

В десятку!

10

Можно, конечно, так: Марк Анатольевич, давайте, мол, обсудим какую-нибудь тему, — и потом обсасать ее, милую, до последней косточки. Только вот в этом случае оказывается почему-то, что о чем-то важном или о чем-то, что тебя самого очень интересует — как раз и не спросил. В конце концов, не часто выпадает возможность поговорить с тем, кого уже при жизни называют «классиком», «выдающимся деятелем» и проч. Стоит ли ограничивать себя рамками? Поговорим про жизнь — более широких рамок я не знаю.

— Кстати, Марк Анатольевич, вы сами-то себя ощущаете выдающимся деятелем отечественной культуры?

— Я ценю в себе самоиронию. Быть может, она у меня сохраняется благодаря тому, что я долгие годы дружу с Григорием Гориним — очень остроумным человеком, который любит посмеяться и над собой, и особенно над мной. Много общался с Геннадием Гладковым, у которого тоже сильно развито чувство юмора. Я пытаюсь тренировать себя с помощью аутотренинга на предмет ограждения своего организма от специфических режиссерских заболеваний, как-то: мессианские ощущения, абсолютная безаппеляционность суждений, ненависть к критике. Вместе с тем я понимаю, что кое-что умею и знаю. Но часто говорю своим студентам (веду мастерскую в Российской академии театрального искусства — РАТИ): моя задача — сделать так, чтобы вы хорошо научились тому, что я умею и знаю, для того чтобы потом сделать то, что я никогда не сделаю и не сумею узнать уже никогда...

— Известно, что вы — человек с чувством юмора, однако ваша последняя премьера — спектакль «Чайка» — показалась мне наиболее печальным из того, что я видел на сцене Ленкома. На этом спектакле как-то очень отчетливо понимаешь: наша жизнь грустна не оттого, что много бед нас окружает, а оттого, что финал жизни всегда трагичен. Такой спектакль говорит о том, что изменилось ваше мироощущение?

— Нет. Мне вообще не кажется, что наша «Чайка» уж настолько безнадежно печальна. Достаточно вспомнить финал спектакля, который мы придумали сами и который принимают даже те, кому спектакль не нравится. Аркадина начинает понимать, сколь незаурядным явлением был ее сын. Для меня это — лучик света, надежда на то, что любой человек может однажды выбрать иной путь для собственного мышления, для познания мира, себя самого и открыть в себе дар, посланный свыше. Никогда не поздно измениться. Хотя, конечно, театр очень связан с общественными настроениями. Вот ведь и Антон Павлович уж как обходился в своих пьесах все политические вопросы, тем более публицистические сентенции, но в его драматургии ощущается приближение гигантской катастрофы, которая должна перевернуть Россию. Наш сегодняшний день так тревожен и печален, что, вероятно, каким-то образом эта тревога проникла и в наш спектакль.

— А вы нынче не ощущаете приближения этой гигантской катастрофы, которая может перевернуть Россию?

— Мне кажется, что сегодня мы вошли в какую-то новую, кризисную фазу нашей истории. Год назад мне казалось, что мы приблизились к медленной стабилизации, что жизнь постепенно обустраивается, однако сегодня на нас обрушились новые испытания, и оптимизм, увы, убывает. Но все равно, рожденный в 1933 году, я воспитан сталинским оптимизмом — поэтому, как бы плохо ни было, я все равно упорно надеюсь на лучшее.

— Вы — член Президентского совета. Какой последний совет вы давали Борису Николаевичу Ельцину?

— Президентский совет давно не собирался. Если вспомнить... Говорил о нашей правовой неграмотности, о том, что Уголовный кодекс не соответствует той криминальной ситуации, которая сложилась в стране. Обращал внимание на то, что некоторые словесные формулировки — неотъемлемая часть криминального поступка.

— Это весьма актуальный вывод. Хотелось бы, чтобы вы его объяснили.

— На Западе человек может получить наказание только за одну лишь угрозу насилия или убийства. Неважно, хочешь ли я на самом деле убить вас или нет, но если я публично произнесу: «Смерть Андрею Максимова!» Я бы с удовольствием его расстрелял! — то я уже совершил преступление и должен быть наказан.

— А вы сейчас хотели бы дать президенту какой-нибудь совет?

— Думаю, что он сегодня окружен таким количеством разнообразных людей, профессиональных советников, что я вряд ли смогу сказать нечто такое, что не могут сказать или сформулировать его помощники.

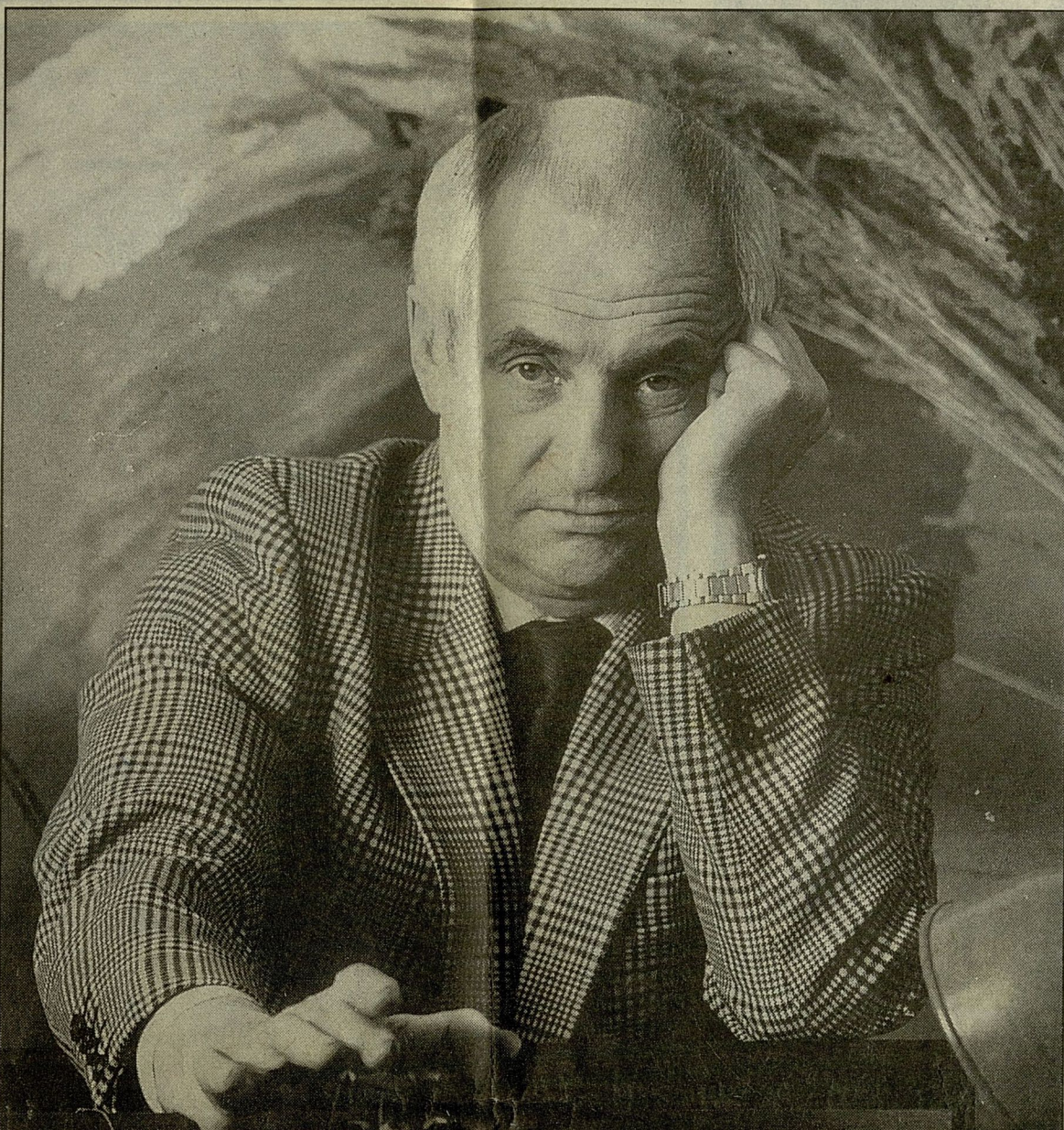
— Актер вашего театра знаменитый Александр Абдулов решил баллотироваться в депутаты Московской думы. Он советовался с вами по этому поводу?

— Нет.

— А если б советовался...
— Я б ему рассказал, что, оказавшись на первом съезде народных депутатов СССР, очень быстро понял, что профессиональный парламент серьезного государства должен состоять из профессионалов. А просто хорошие режиссеры, добрые академики, милые музыканты, талантливые артисты не должны работать в парламенте. Конечно, бывают редкие исключения.

— То есть отсоветовали бы Александру Гавриловичу заниматься политикой?

— Постарался бы, хорошо понимая, что он меня не послушает. Он такой же упрямый, как я.

ТЕАТР ОТ МАРКА

— Среди прочих спектаклей вашей мастерской вы со студентами поставили «Обломова». Вы бы хотели, чтобы близкие вам люди больше походили на ленивого Обломова или на предприимчивого Штольца?

— Хотелось бы, чтобы они были похожи на Штольца, но уважал бы я больше Обломова. — Что в поколении ваших совсем молодых учеников является для вас наиболее неожиданным интересным?

— По моему, они умнее, чем мы были в годы нашего студенчества. Они точнее ориентируются в жизни, понимают, когда — действительно новизна, а когда — лишь имитация новизны. Мне нравится их хороший прагматизм. Понимаете, довольно долгий период своей жизни я ждал, когда же наконец мое поколение придет к власти, займет ключевые посты в государстве. Мне казалось, что само возрастное изменение в руководстве страны, в руководстве культурой принесет поразительные изменения. Мое поколение довольно долго заблуждалось по поводу того, что если сделать так-то, так-то и так-то — жизнь прекрасным образом изменится. Увы... Может быть, дело в том, что большевизм пустил сильные метастазы в нашей генетике, может — в чем-то ином. А мои ученики, мне кажется, ждуть и особо рефлексировать не намерены.

— А как вы смотрите на будущее этих молодых людей? Вам их жаль или вы на них надеетесь?

— Надеюсь. Хотя, конечно, меня беспокоит, что они сразу попадают в неблагоприятную жизненную ситуацию. Сто лет назад младенец с первой же секунды своей жизни дышал другим воздухом, пил другую воду, да просто находился в иных геофизических условиях. Сейчас человек, начинающий жить, и физически, и творчески, и экономически находится в обстоятельствах, где его атакуют огромное количество вредных факторов.

— То есть вы надеетесь безнадежно. Надеяться надо — деться, как говорится, некуда, но при этом вы прекрасно понимаете, что вряд ли в этом мире что-то удастся изменить?

— Нет, это не так. У меня есть надежда на космическую помощь — скажем так, дабы не произносить все те же слова. Например, замечено, что после войны начинали чаще рождаться мальчишки, природа сама восстанавливает разрушенный демографический баланс. Надеюсь, что в России сейчас будет рождаться больше талантливых и умных людей — чтобы нормализовать наш этнос. Кстати, есть косвенные подтверждения этой мысли. Один умный человек иностранного подданства мне

заметил: многие считают, что в России сейчас очень талантливая молодежь. Ее мозги стоят дорого, а на Западе высоко оценивают не просто хорошо работающие мозги, дополнительно оплачивается еще и их молодость. Мне кажется, это справедливо.

— На афише спектакля «Женитьба Фигаро» написано, что он сыгран вторым поколением Ленкома. А чем это второе поколение отличается от первого, звездного?

— Тем, что они пока не ощущают себя самостоятельными светилами, но чувствуют себя планетами, которые вращаются в стройной и гармоничной системе. На примере БДТ Товстоногова я хорошо проследил, что в определенный момент уровень популярности и значимости артиста подходит к такому рубежу, когда человек начинает ощущать себя некой самостоятельной величиной, независимой от коллективно-студийных связей. Подобные сложности возникают и у нас, мы пытаемся их преодолевать совместными усилиями. Давим их консенсусом.

— А как это практически происходит?

— Инна Михайловна Чурикова, например, говорит: я включена в состав жюри Венецианского фестиваля. Я понимаю, что нельзя ей сказать: не нужна вам Венеция, не нужен этот фестиваль, а надо играть спектакли. Приходит-

ся видоизменять репертуар. Или сейчас проблема: Николай Петрович Караченцов сообщил, что где-то очень далеко от Москвы открывается не то памятник самому Николаю Петровичу, не то школа его имени... В общем, в России происходит заблаговременное увековечивание его имени, и ему необходимо обязательно присутствовать на этой исторической акции. Но ехать далеко. Вот сейчас мучительно решаем: как быть? Думаю поговорить с Ю. М. Лужковым. Может быть, удастся увековечить Караченцова в черте Садового кольца.

— Мне кажется, что театральные режиссеры — по определению — не могут быть звездами. Вряд ли на улицах узнают Андрея Гончарова или Петра Фоменко. Вы — звезда. Это произошло случайно или вы специально к этому стремились?

— Мне кажется, что специально я к этому не стремился, но, наверное, некоторое вхождение в телевизионные программы сыграло свою роль, я просто достаточно намелькался на телевидении.

— А зачем же вы туда шли, делали — и продолжаете делать — собственные программы, если не стремились к популярности?

— Есть, наверное, какая-то слабина в моем организме. Я ведь все-таки учился на актера, и у меня есть подсознательная жажда некоего лицедейства. Хотя я сам себе в этом не признаюсь, а признаюсь почему-то вам, но, наверное, хочется реализовать не прямым, а хотя бы косвенным образом свою первую профессию.

— А прямым не хочется?

— Мне очень повезло. Когда я еще только начинал работать в Театре имени Ленинского комсомола, ко мне пришел один очень заслуженный писатель и принес пьесу о Пушкине. Я с любопытством и некоторым ужасом спросил: «А кто же будет играть Пушкина?» И автор, как нечто само собой разумеющееся, с укоризненной улыбкой сказал: «Ну, конечно, вы, Марк Анатольевич». И я понял, какую радость могу принести своим артистам, когда буду наклеивать бакенбарды и кудрявить волосы. И тогда я почувствовал, как мой антел-хранитель уцепился за меня и шепнул: «Не сходи с ума!»... Спасибо ему. Впрочем, я и без него знаю, что как артист я явление весьма заурядное, вполне обыкновенное, может быть, даже чуть похуже обыкновенного.

— Увы, надо заканчивать разговор, хотя мы еще столько не обсудили из обязательного нынче «джентльменского набора» бесед — и про деньги не поговорили, и не посплетничали вовсе. Но вопрос про планы не задать не могу. Кстати, а не собираетесь ли вы снимать какой-нибудь телефильм? Давненько ваших премьер не было...

— К сожалению, нет. Хотя, конечно, не хочется совсем ставить крест на этом. Фильм надо снимать несколько месяцев, а сейчас я не могу бросить театр на такое продолжительное время. Да и боюсь повторить то, что уже было найдено и в «Обыкновенном чуде», и в «Формуле любви», и в «Мюнхгаузене»...

— А в театре репетируете?

— Конечно. Пьесу американского драматурга Максвелла Андерсена «Тысяча дней Анны Болейн». Мы договорились с переводчиком, что это будет некая волновая фантазия на темы пьесы. Репетируют в будущем спектакле молодой артист Александр Лазарев, студентка училища Театра Вахтангова Амалия Зорина, популярный и любимый артист Леонид Броневой и многие другие. Александр Галин ставит у нас свою новую пьесу, в которой будут заняты Николай Караченцов и приглашенный на этот спектакль Александр Калыгин. Это будет совместное производство Ленкома и театрального агентства Давида Смелянского...

Чего-то надо было, наверное, под конец спросить умное, а лучше того — судьбоносное, типа: «Остаетесь ли вы приверженцем демократии?» или «Верите ли в будущее России?» Не хотелось. Хороший разговор — он чем хорош? Тем, что идешь, скажем, по улице Чехова, и крутятся в твоей голове не байки, не шутки, а мысли. Мысли Марка Захарова. Приятно все-таки убедиться в том, что, когда все вокруг ерничает и умничает, есть кто-то — кто думает.

Андрей МАКСИМОВ.

ЗАХАРОВ Марк Анатольевич, художественный руководитель театра Ленком, народный артист СССР. Родился 13 октября 1933 года в Москве, в семье преподавателей. Знак зодиака — Весы, по восточному гороскопу — Петух. Сразу после школы поступил на актерское отделение ГИТИСа имени Луначарского (ныне — РАТИ), по окончании которого не был принят ни в один московский театр и три года проработал актером в городе Перми, где и начал первые режиссерские опыты в студенческой самодеятельности. По возвращении в Москву ставил спектакли в драмкружке Московского станкостроительного института, потом в студенческом театре МГУ, где был замечен Валентином Плучеком и приглашен на режиссерскую работу в Театр сатиры. Первый его спектакль «Доходное место» имел довольно шумный успех и вскоре был запрещен. С 1973 года руководит Театром имени Ленинского комсомола (ныне Ленком). Сразу после окончания института женился на девушке по имени Нина, которая училась курсом младше. Вместе воспитали дочь Александру — ныне известную актрису. Своей машины Захаров не имеет, зато подарил автомобиль «Жигули» дочери.